

18+

Искандер Арысов

Вселенная в её зрачке

Проект «Сингулярность
Арысова»

Искандер Арысов

**Вселенная в её зрачке. Проект
«Сингулярность Арысова»**

«Издательские решения»

Арысов И.

Вселенная в её зрачке. Проект «Сингулярность Арысова» /
И. Арысов — «Издательские решения»,

У неё один глаз посреди лица — и вся Вселенная внутри него. Астра родилась с редчайшим пороком, который называют смертельным. Но она выжила, чтобы увидеть то, что не удавалось никому. Деревенское детство, любовь к родителям и бабушке, насмешки и прозвище «Циклоп» — всё это не сломило её. Она стала физиком, разгадала загадку космоса и оставила миру дневник. Девочка, которая увидела всё целиком. И показала, что красота бывает разной.

© Арысов И.

© Издательские решения

Содержание

Пролог. Рождение	6
Часть первая. Стекланный дом	7
Часть вторая. Деревня	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Вселенная в её зрачке Проект «Сингулярность Арысова»

Искандер Арысов

© Искандер Арысов, 2026

ISBN 978-5-0070-7982-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Рождение

Она должна была родиться мёртвой.

В родильном зале обычного подмосковного роддома тишина наступила за секунду до того, как акушерка вскрикнула. Врач, принимавший роды, потом рассказывал коллегам: он думал, что это ошибка освещения, блик на околоплодных водах, галлюцинация от бессонной смены.

Но когда девочка закричала — закричала громко, требовательно, почти сердито, — сомнений не осталось.

Посреди её лица, точно на месте переносицы, там, где у нормальных детей должны были разойтись в стороны два будущих глаза, находился один. Крупный, живой, абсолютно чёрный в первые минуты после рождения, а потом начавший светлеть до невероятного — почти прозрачного — серо-голубого оттенка. Зрачок был расширен постоянно, словно глаз привык различать свет там, где другие видели только тьму.

Циклопия.

Диагноз, который в учебниках пишут красными чернилами. Смертельный порок развития. Несовместимость с жизнью.

Мать, молодая женщина из научной семьи, физик по образованию, успела взглянуть на дочь прежде, чем медперсонал унёс девочку в реанимацию. Она потом говорила, что в этом единственном глазу было что-то такое... будто ребёнок не плакал от боли или страха, а требовал ответа на вопрос, который взрослые не умели задавать.

Отец, инженер-конструктор, узнал о диагнозе по телефону. Он не плакал. Он попросил прислать анализы и снимки — все, какие есть — и до утра просидел в интернете, читая медицинские статьи на английском, немецком, французском. К утру он знал, что шансов нет. Циклопия — это не просто один глаз. Это отсутствие обонятельных долей мозга. Это нарушение формирования прозрачной перегородки. Это аномалии лицевого скелета. Это смерть в первые часы или дни.

На третьи сутки девочка дышала сама.

На пятые — открыла глаз.

На десятые — начала поворачивать голову на голос матери, и это движение было осмысленным, целенаправленным, почти... понимающим.

Врачи разводили руками. Назначили генетическую экспертизу, МРТ, консультации нейрохирургов из Москвы, Петербурга, потом из Гейдельберга и Бостона. Вердикт иностранных специалистов был единодушным: девочка должна быть глубоким инвалидом, если вообще выживет. Отсутствие обонятельных долей? Аносмия — да. Отсутствие прозрачной перегородки? Возможны психиатрические проблемы. Но МРТ показала нечто невероятное — те участки мозга, которых у неё не было, перераспределили свои функции. Нейронные связи образовали сети, не описанные ни в одной анатомии.

Будто природа, допустив чудовищную ошибку, попыталась её исправить, создав нечто новое.

Девочку называли Астра. В честь звёзд.

Часть первая. Стекланный дом

Первые восемь лет жизни Астра почти не выходила на улицу.

Не потому, что родители запрещали. Мать, Анна Сергеевна, физик-теоретик, ушедшая в программирование ради удалённой работы и возможности сидеть с ребёнком, была человеком удивительного мужества. Она не прятала дочь. Она защищала её от мира, который ещё не был готов.

— Люди боятся того, чего не понимают, — говорила она отцу по вечерам. — Астра — это не уродство. Это... другая оптика.

Отец, Дмитрий Борисович, усмехался: он давно привык к жениной манере объяснять человеческие трагедии через физические метафоры.

— Оптика, говоришь. Ну да. Телескоп вместо двух глаз.

Он не шутил. Он просто боялся. Каждый вечер, возвращаясь с работы, он первым делом шёл в детскую и смотрел, дышит ли дочь. Боялся, что она исчезнет — не умрёт, а именно исчезнет, растворится, потому что таких детей не бывает. Не должно быть.

Но Астра дышала. Росла. Училась говорить.

Её первый связный предложение, произнесённое в полтора года, было: «Потолок белый».

Мать потом вспоминала это с дрожью в голосе: «Она не сказала „мама“ или „папа“. Она описала цвет потолка. Будто ей было важно зафиксировать не отношения, а факты».

В три года Астра научилась читать сама. Не по слогам — она как-то сразу схватывала целые слова, будто видела их структуру, а не последовательность букв. К пяти годам она прочла всю домашнюю библиотеку — от детских сказок до университетских учебников по физике, которые мать по рассеянности оставляла на журнальном столике.

Отец как-то застал её за томом Ландау и Лифшица. Девочка сидела на ковре, поджав под себя ноги, и её единственный глаз — уже светло-серый, с тончайшей голубой каймой вокруг радужки — бегал по странице со скоростью, которую Дмитрий Борисович не мог назвать иначе как «сканирование».

— Ты понимаешь, что там написано? — спросил он, не надеясь на ответ.

Астра подняла голову.

— Это про квантовую механику, — сказала она спокойно. — Там ошибка в выводе уравнения на сто седьмой странице. Знак потеряли.

Отец проверил. Ошибка была.

В шесть лет Астру впервые показали профессору из МГУ — старому другу матери, специалисту по астрофизике. Профессор, пожилой грузин с густыми седыми бровями и вечным запахом табака, смотрел на девочку с любопытством и ужасом одновременно.

— Это невозможно, — сказал он Анне Сергеевне вполголоса, пока Астра изучала его книги на полках. — У неё нет обонятельных долей, понимаешь? Это значит, что участки мозга, отвечающие за... — он запнулся, подбирая слова, — за эмоциональную память, за ассоциативное мышление, за...

— За то, что делает нас людьми? — спросила Астра, не оборачиваясь. — Это не так. Просто моя кора перестроилась. Те зоны, которые у вас связаны с запахами, у меня обрабатывают пространственную информацию. Я не чувствую запахов. Зато я чувствую геометрию.

Она повернулась. Её единственный глаз смотрел на профессора с выражением, которое он потом описывал как «взгляд существа, которое уже всё поняло про вас и ждёт, когда вы поймёте про себя».

— Вы думаете, что обоняние важно для человечности, — продолжала Астра. — Но это просто химическая сенсорика. Я не могу отличить розу от лука. Но я могу представить себе четырёхмерный куб. Вы можете?

Профессор молчал.

— Вот, — сказала девочка. — Значит, я лишилась одного способа познавать мир. Но приобрела другой.

Она замолчала и добавила тише:

— Жаль только, что другие дети не захотят со мной играть.

Часть вторая. Деревня

Летом, когда Астре исполнилось девять, родители впервые решились отвезти её в деревню к бабушке.

Это было подмосковное село с нелепым названием Головачёво, затерявшееся между лесами и полями, где время текло медленно, а люди смотрели друг другу в глаза не из любопытства, а из привычки.

Бабушка, Вера Павловна, бывшая учительница математики, встретила внучку без тени страха или отвращения. Она просто наклонилась, поцеловала девочку в лоб — чуть выше единственного глаза — и сказала:

— Ну что, звезда моя, пойдём знакомиться с ребятами.

Астра спряталась за материнскую юбку.

— Они будут бояться.

— Может быть, — согласилась бабушка. — А может, нет. Давай проверим.

Деревенские дети — странный народ. Они не читали медицинских энциклопедий и не смотрели передач про врождённые аномалии. Они знали только то, что видели своими глазами. А видели они девочку с одним глазом посреди лица, которая приехала на лето и боялась выходить из калитки.

Первая встреча была жестокой. Мальчишки лет десяти-одиннадцати обступили её у колодца, рассматривали с напряжённым любопытством, и самый смешной, рыжий Витька, выдал:

— Эй, Циклоп! А ты нас видишь?

Астра молчала. Её единственный глаз — к девяти годам он приобрёл странный металлический оттенок, серебристый, как ртуть — медленно переходил с одного лица на другое.

— Я вижу вас, — сказала она, наконец. — Но вы не видите того, что вижу я.

— И что же ты видишь?

— Как у тебя болит живот после вчерашнего зелёного яблока, — ответила Астра, не мигая. — И что твоя мама сегодня поссорилась с отцом. И что ты боишься признаться, что потерял в речке новые сандалии.

Витька попятился. Остальные замерли.

Никто не знал, что Астра просто была очень наблюдательной — она заметила, как Витька трогал живот, как отворачивался, когда речь заходила о реке, как в избе за завтраком мать ругалась с отцом (окна были открыты, а у Астры был идеальный слух). Но деревенские дети не умели отличать логику от магии. Для них девочка-циклоп, которая читает чужие мысли, была страшна и прекрасна одновременно.

В тот же вечер Витька пришёл к бабушкиной калитке с полной миской малины.

— Это тебе, — буркнул он, глядя в сторону. — Ты это... не рассказывай никому про сандалии. Ладно?

— Ладно, — серьёзно ответила Астра. — А ты научишь меня лазить на крышу сарая?

Витька уставился на неё.

— Ты же девочка. И вообще... у тебя глаз один. Упадёшь — не увидишь, куда ногу ставить.

— Моя глубина зрения лучше твоей, — сказала Астра. — У меня бинокулярное зрение от природы. У тебя с двумя глазами — стереоскопическое. А у меня монокулярное, но с параллаксом движения. Я вижу расстояние точнее, потому что мозг обрабатывает каждое микродвижение головы как стереопару. Ты привык, что глаза работают синхронно. Я привыкла, что мир — это кино, в котором каждый кадр чуть-чуть другой.

Витька ничего не понял, но кивнул.

Через неделю Астра лазала по крышам не хуже любого деревенского мальчишки. Через две — её приняли в общую компанию, и прозвище «Циклоп» перестало быть оскорблением. Оно стало именем, почти ласковым, как «Рыжий» или «Косой». Девчонки заплетали ей косы — Астра отрастила длинные тёмные волосы, которые падали на лоб и почти скрывали верхнюю часть лица, так что единственный глаз казался случайно выглянувшей звездой. Пацаны брали её в футбол — она плохо бегала, зато предугадывала траекторию мяча с точностью компьютера.

— Ты как телескоп, — сказал ей однажды Витька. — У тебя один глаз, но ты видишь всё.

— Почти всё, — поправила Астра, глядя на вечернее небо. — Но не звёзды. Я хочу понять, как они устроены. Хочу понять, почему они зажигаются и гаснут. Почему их так много. И есть ли у всего этого центр.

Витька пожал плечами.

— Бог, наверное.

— А если Бога нет?

— Тогда непонятно, — честно признался Витька. — Но тебе виднее. У тебя один глаз, ты ближе к правде.

Астра рассмеялась — впервые за то лето. Смех был странный, непохожий на детский: грудной, низкий, с каким-то далёким, почти космическим оттенком.

— Спасибо, — сказала она. — Ты хороший. Не боишься меня.

— А чего бояться? — Витька сплюнул в траву. — Страшного чего? Глаз как глаз. Только один. Зато какой — весь мир в него помещается.

Астра посмотрела на него долгим взглядом.

— Весь мир — нет, — сказала она тихо. — А вот всю вселенную... может быть, и поместится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.